ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 21.08.2018 | Петер Брандт

Нам нужно левое экуменическое единство

Апология консолидирующего левоцентристского движения

Читайте также эту статью на немецком языке

В сегодняшней Германии доминируют левые взгляды из «1968 года» или им подобные по духу, считают в АдГ («Альтернатива для Германии») и правоконсервативной прессе. Такой подход находит свое полуправдивое объяснение в том, что смещает в эпицентр социокультурные параметры при рассмотрении ситуации. Постоянное расформирование авторитарных моделей поведения с начала 1960-х годов, устранение административно-командных наростов, стремление к индивидуализации, в том числе и пермиссивная тенденция в формах обихода и жизни, либерализация государства и общества – это ускоренные возникшим мятежом сопутствующие явления потребительского капитализма, который достиг определенной зрелости к 1960 году в высокоразвитых индустриальных странах Запада. С точки зрения правых все это означало внедрение «левых» принципов – и это не в одной только Германии.

Затронутые этим либерализирующие результаты социального преобразования, иногда преувеличенные до гротеска, превращены за истекший период влиятельными фракциями левоцентристского и левого спектра в основные предметы политических дискуссий. А постановка социального вопроса – исходный пункт и истинный предмет левого подхода наряду с внедрением и постоянным расширением демократии в XIX веке – все больше оказывалась на периферии. Словно для доказательства этого эпикриза депутаты бундестага от СДПГ (Социал-демократическая партия Германии), «Зеленых» и Левой партии праздновали как эпохальный прогресс узаконенную в прошлом году возможность вступления в брак также и для гомосексуалистов – против этого нечего сказать – под диковинным обозначением «Брак для всех». Только здесь есть один нюанс: уже вырисовалось поражение красно-красно-зеленых

объединенных левых на выборах в бундестаг. До сентября 2017 года можно было бы также использовать еще существующее левое парламентское большинство, чтобы, например, реализовать в высшей степени популярную систему солидарной минимальной пенсии. Одно дело – устранить общеизвестную дискриминацию, как в 1976 году «антигомосексуальный» Параграф 175, и совсем другое – представить это подавляющему большинству «нормальных парней» как великий политический подвиг.

Адресатом левой политики вплоть до второй половины XX века, как само собой разумеющееся, был «рабочий народ в городе и деревне» – согласно Герлицкой программе СДПГ 1921 года и совершенно аналогичной формулировке в призыве к воссозданию КПГ (Коммунистическая партия Германии) в 1945 году. И вовсе не случайно: более девяти десятых работающего населения были и являются наемными работниками, остальная часть состоит преимущественно из мелких самостоятельных предпринимателей. В такой ситуации левые партии не просто должны, но обязаны быть народными партиями. Это, однако, не в том смысле, что мультимиллионер вправе выдвигать такую же претензию относительно учета его интересов, как непривилегированный наемный работник.

Социал-демократия, являвшаяся в былые времена наибольшей левоцентристской формацией в большинстве европейских стран, отдалилась от своего электората, комбинируя обращенность к периферийным, или особым группам социума и их тематикам с экономической и социальной политикой, которая полагает как неизбежность признание примирения с неолиберальной глобализацией, движимой финансовым рынком.

Социал-демократия отдалилась от своего электората, комбинируя обращенность к периферийным, или особым группам социума и их тематикам с экономической и социальной политикой, которая полагает как неизбежность признание

Начало положил период Нового лейборизма Тони Блэра; в Германии звучали лозунги «Повестка дня – 2010» (Agenda 2010) и «Хартц IV» (Hartz IV). Связанные с этим меры не устранили ни специфически немецкий, с отпечатком корпоративности «реальный тип капитализма и гражданского общества» (В. Абельсхаузер) в целом, ни инсталлированное в стране с 1880-х годов и с 1950-х годов выстроенное в новом качестве социальное государство – в частности. Тем не менее они повредили и уменьшили его с точки зрения социальной защиты. Экономический рост Германии после

примирения с неолиберальной глобализацией, движимой финансовым рынком

мирового экономического и финансового кризиса 2008–2009 годов оказался возможным, как раньше уже бывал осуществим благодаря наступательной активизации экспорта, в существенной степени посредством зарплатного демпинга. Нынешний относительно высокий уровень трудоустройства является здесь большей частью купленным дорогой ценой за счет возрастания частичной и полуофициальной занятости и не случайно будет сопровождаться резко выраженной безработицей на юге континента.

Раскрепощение рыночного капитализма

Раскрепощение финансовых рынков с конца 1970-х годов было не в последнюю очередь политическим решением прежде всего консервативных правительств Тэтчер в Великобритании и Рейгана в США, а затем ему благоприятствовали новые информационные технологии. Руководство европейской социал-демократии покорилось этому процессу в более поздний момент времени как якобы неотвратимому явлению, даже частично содействовало ему в периоды своего участия в работе правительства, но в целом искало для воплощения более мягкий, социально более подпружиненный вариант, как можно, например, наблюдать в Германии в федеральной «большой коалиции» 2005, 2013 и 2017 годов. Эта ни в коем случае не безуспешная деятельность правительства СДПГ не смогла в то же время предотвратить отчужденность большого числа ее сторонников. Почему? Потому что тренд социальной поляризации – читай: «тренд снова быстро растущего неравенства» – не сломлен, а концентрация имущества продолжает расти – чем выше в социальной пирамиде, тем более вопиюще резко. И это тогда, когда примерно 40 процентов населения с 1990-х годов вынуждены переживать не только относительные, но даже реальные потери своего дохода.

Поэтому первые три десятилетия после завершения Второй мировой войны были в Западной Европе удачным периодом для социал-демократических партий и профсоюзов, так как восстановление и последующая едва ли прерываемая рецессиями фаза быстрого подъема деловой активности предоставляла простор для долгосрочного компромисса (конечно, не без конфликтов) между государством, капиталом и трудом – с исторически уникальным

возрастанием уровня жизни также нижней половины населения и строительством социального государства в направлении к новому качеству. Одновременное создание и укрепление некапиталистического, мнимо социалистического, диктаторского порядка в Юго-Восточной Европе и восточной Центральной Европе, особенно в восточной части Германии, было для широких слоев наемных работников, а также для основных слоев промышленных рабочих малопривлекательным, даже скорее отталкивающим; в то же время системный конфликт на западной стороне способствовал появлению готовности высшего класса идти на уступки наемным работникам – и не только материального характера.

Неолиберальный поворот политики в капиталистическом мире после международного кризиса 1974–1975 годов, вызванный, но не главным образом обусловленный существенным повышением цен на нефть со стороны картеля стран ОПЕК, не избежал чистого произвола: снижение прироста продуктивности и сильная позиция профсоюзов поставили капитал в стесненное положение в сфере получения прибыли. Продолжение развития модели регулируемой рыночной экономики и авансированного социального государства вошло в коллизию с основными принципами капиталистического хозяйствования, так что социал-демократия все больше оказывалась перед альтернативой: или как-то приспосабливаться, или развивать больше готовности к конфликту – не имея ясности, можно ли вообще идти в дальнейшем прежним путем при изменившихся условиях, в особенности пропустив в сознание экологические пределы роста.

Так характеризуется основная дилемма европейской социал-демократии, в которой СДПГ с ее 20,5 % на прошлых федеральных выборах ни в коем случае не стоит в нижнем конце шкалы. При этом старые социально-моральные среды на протяжении десятилетий большей частью растворились. В целом количественная и общественно релевантная значимость промышленного рабочего класса стала существенно меньше. Там, где таковой еще есть, он преимущественно больше не испытывает никакой особой симпатии к социал-демократии, рядовой состав которой и – еще больше – корпус функционеров в значительной степени представлен выпускниками высшей школы, аналогично всем сферам общественного развития и даже существенно сильнее. Подрастающая смена для выполнения руководящих функций политически социализировалась преимущественно в партийном аппарате, в законодательных и исполнительных вспомогательных службах. Спецификой по-прежнему является высокая доля

социальных выдвиженцев первого поколения на ключевых позициях, однако без сохранения жизненной связи с рабочими и мелкими служащими. Даже если деление общества на классы «объективно» продолжает существовать и непривилегированные работополучатели составляют подавляющее большинство, а внутри этой большой группы возник новый пролетариат сферы услуг, то положение классов стало сложнее, во много раз также противоречивее.

Дальнейшее развитие действий было еще более усложнено новыми конфликтными линиями, которые появились наряду с социально-экономическими или общественно-политическими коллизиями: где-то в 1980 году – между ориентированными на подъем и рост «материалистами» и ориентированными на качество жизни, индивидуальное самоопределение и партиципацию «постматериалистами». Кроме того, в недавнее время – между урбанистическими, хорошо образованными и мобильными «космополитами» с вышесредними доходами, а также теми, кто скорее относится к лузерам глобализации, ищет защиту в своей привычной среде и отклоняет мультикультурализм – «коммунитаристами». Так же, как прорыв СДПГ в 1970 году имел успех в качестве связи традиционного квалифицированного рабочего класса с секторами госслужащих и экспандирующей академической молодежи, так же и сегодня необходимо реализовывать комбинации, которые позволили бы затем образовать широкую коалицию центра и низов (в социальном смысле) вместо либерально-консервативной коалиции верхов и центра и должны были бы для этого преодолеть вышеназванные социокультурные демаркационные линии.

Избрание Мартина Шульца председателем партии и его назначение кандидатом в канцлеры в начале 2017 года, в сочетании с поднятием вопроса справедливости, временно одарило СДПГ почти сенсационно воспринимаемой серией успешных рейтингов. Те, кто высказался за СДПГ, были преимущественно ее бывшими частично уже давно потерянными сторонниками. Эйфория испарилась и резко поменялась на беспомощность и пессимизм, когда лозунг справедливости, несмотря на понятные требования деталей, остался в неопределенности, а кандидат вопреки своему лучшему восприятию позволил своим советчикам сделать себя фигурой политически чуть ли не среднего рода.

Бросается в глаза не только почти непрерывная рецессия СДПГ с момента смены тысячелетий, 50-процентный спад на выборах в бундестаг в течение 20 лет (аналогично с развитием количественного

состава партии), но также и тот факт, что красно-красно-зеленый лагерь из солидного большинства 1998 года съежился за истекший период до 38,6 процента. Таким образом, соответствующее образование правительства в настоящее время уже арифметически исключается. Чем мы при сегодняшнем правом популизме, которому – за исключением прежде всего Греции и Иберийского полуострова – это удалось во всеевропейском масштабе, направляем социальный и политический протест против глобализированных элит, а также международного финансового капитала и определяемое этими силами ускоренное преобразование на их же мельницы. Если говорить о Германии, то соответствующие сегменты избирателей, как представляется, потеряны не только для СДПГ. Так же и Левая партия – иначе, чем несколько лет назад по меньшей мере в Восточной Германии – актуально может больше не достичь этого протестного потенциала. Между тем без сопротивления оставить это правым было бы попросту политической капитуляцией объединенных левых.

Разумеется, при избрании правых или ультраправых партий не в последнюю очередь артикулируется элементарная ксенофобия, которая как таковая не предлагает точек соприкосновения, а с которой нужно бороться. Однако для соответствующих центристско-левых или левых партий тоже должен был бы стать задачей тщательный анализ своих результатов выборов в отношении внешних потерь в пользу правых. Неправильно направленный протест против либерально-экономической глобализации и европеизации не следует просто так отметать как реакционный процесс, но необходимо исследовать на предмет того, какие материальные и ментальные проблемы зависимых и униженных находят в нем свое выражение. Недифференцированное и некритическое одобрение «Европы» сложно реализовать, например, потому что в первую очередь речь идет о том, к какому виду объединенной Европы, к каким институциональным порядкам, экономическим, общественным и внешнеполитическим ориентирам надо стремиться: к пространству защищенности и созидания или к катализатору рыночно-капиталистической глобализации?

Нация для большинства людей повсюду в мире продолжает являться первенствующим объединением сознания, чувств и коммуникации, которые не должны находиться в противоречии к все более тесному европейскому сообществу. Национальное государство остается до сих пор единственным защищенным каркасом для правового государства и демократии, даже если оно отдало сукцессивные компетенции наднациональным учреждениям и, возможно, будет отдавать их и дальше.

Нельзя отрицать, что глобализация сузила созидательное пространство левой политики, например, вследствие международного соревнования по снижению налогов. Как раз здесь был бы востребован ЕС. И даже на национально-государственном уровне могло бы произойти существенно больше, чем это прокламируется для регулирования экономики, оснащения социального государства и для перераспределения доходов и имущества сверху вниз. Неолиберальную, дружественную капиталу политику европейских институций и брюссельской бюрократии, а также (пусть даже в последнее время уменьшенный) дефицит демократии в ЕС следует тематизировать, вместо того чтобы из страха перед национализмом скрывать их за благоденствующими проевропейскими пустыми фразами.

Неприятие иммиграции в Европу, в частности, в Германию, с глобального Юга многократно рассматривается как важнейший мотив при поддержке правоконсервативных, правопопулистских и правоэкстремистских партий. В рамках данной статьи невозможно разложить по полочкам эту комплексную проблематику. Тем не менее во время дискуссии, в том числе внутри левого или левоцентристского спектра, было бы полезно делать различие между беженцами в строгом смысле слова и беглецами от нищеты и мигрантами по другим мотивам. На шумиху справа против просителей убежища и иммигрантов, а также их помощников и сторонников нельзя отвечать систематическим преуменьшением серьезности связанных с ними трудностей и пренебрежением к состоянию неуверенности местных жителей, которые и без того уже находятся в неблагоприятном положении. В конечном итоге они могут оказаться пострадавшими.

Задачей ревитализированных и связанных с народом левых могло бы стать перемещение формулы «устранение причин бегства» в эпицентр этих политических дискуссий. При этом речь шла бы в основном о реализации сделанных еще четыре десятилетия назад Северно-Южной комиссией («комиссия Брандта») существенных предложений об устранении структурных недостатков и дисфункциональности в отношениях Северного полушария к Южному полушарию, которые тормозят устойчивое развитие. Об устранении! А не только лишь об уменьшении крайней нищеты. Связи капиталистических метрополий с так называемым ранее третьим миром в течение многих десятилетий после достижения государственной независимости характеризуются наличием зависимых и эксплуатирующих структур. В современных чрезвычайно кровавых военных событиях, которые продуцируют массовое бегство, как правило, по меньшей мере опосредованно

участвуют крупные милитаристские силы, прежде всего США. Кроме того, почти 30 лет после завершения старого конфликта между Востоком и Западом приводится в движение новая, чрезвычайно опасная связывающая финансовые средства и энергии гонка вооружений, разжигаемая здесь в стране, как где-либо на Западе, гиперморально заряженной пропагандой прав человека, которая игнорирует уроки политики разрядки 1960-х и до 1980-х годов.

При этом ясно, что Левая партия не может ограничиться своими местными социальными вопросами в узком смысле слова. Этот тезис верен тем больше, чем понятнее становится то, что экологический кризис экзистенциального характера в конечном итоге разрешим только глобально. Со временем это осознало также большинство населения. Фундаментальные проблемы человечества поднимают системный вопрос, не предлагая нам возможности сегодня в деталях определить цель и отдельные конкретные шаги спасительной трансформации. То, что Восточный блок до 1990 года как система якобы «реально существующего социализма» не был реально работающей и гуманной альтернативой, общеизвестно еще не только с 1989 года и постоянно подчеркивалось критическими социалистами, включая автора данной статьи. Или будет найден демократический выход из кризиса человечества, или вообще не будет никакого выхода. Это не означает, однако, что капитализм будет последним словом в истории.

Чтобы вернуться к исходной точке данной статьи: эти три партии, которые с различной интенсивностью и акцентуацией приступили с критическим отношением к рассмотрению общественного статус-кво, проявились как все более непригодные для того, чтобы выражать желание к изменениям и связанные с этим ожидания людей. «Зеленые» в широком плане приспособились к неолиберальному мейнстриму и оказываются во внешней политике, особенно по отношению к России, скорее пикантной приправой в смысле идеологии «общности западных ценностей». Тем не менее среди членов партии и среди избирателей «зеленых» есть по-прежнему вовсе не незначительное течение, которое чувствует себя связанным с первоначальными радикально-экологическими, пацифистским и базисно-демократическими целями партии, осветленными опытом, и не хочет следовать давно зачерствевшим курсом партийного руководства. Это течение в настоящее время не проявляется в полной мере.

Эти три партии, которые приступили с

Левая партия – по справедливости – преимущественно больше не воспринимается

критическим отношением к рассмотрению общественного статус-кво, проявились как все более непригодные для того, чтобы выражать желание к изменениям и связанные с этим ожидания людей

как простое продолжение Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Внутрипартийная демократия в сопоставлении с другими партиями, представленными в бундестаге, в любом случае не недоразвита. Давно с нетерпением ожидавшееся широкими слоями главной партии-предшественницы ПДС (Партия демократического социализма) «прибытие» в Федеративную Республику является по сути прибытием в менталитет соответствующих западногерманских и западноберлинских сред и образа мыслей, в особенности у молодых, при потере «сцепления с дорогой» в Восточной Германии. Внутренний раскол, ставший особенно очевидным на последнем съезде Левой партии, получает свою остроту не в первую очередь из ранних программных расхождений, а преимущественно обусловлен различными подходами к политическим действиям и личностными поединками в борьбе за власть. Левая партия выглядит поэтому как заблокированная и находится в опасности продолжать свое существование как относительно стабильный, но более не движущий фактор немецкой политики.

СДПГ с давних пор, точнее говоря, с того времени, когда она получила возможность практически-политически созидать на всех уровнях конституционного порядка в Веймарской Республике, объединяет перспективу на будущее, довольно сильно расплывчато сформулированную, но до сегодняшнего дня не совсем утраченную, выходящую за пределы существующих общественных отношений. Через безоговорочную идентификацию себя с парламентаристской демократией она системно конформно делает ставку на небольшие шаги, партиципацию и социальный прогресс. Дилемма «меньшего зла», мнимой необходимости поддерживать, а точнее терпеть мероприятия, правительственные комбинации или отдельных индивидуумов, которые по сути противостоят собственным целевым установкам, чтобы фактически или воображаемо предотвратить худшее, сопровождает социал-демократию вот уже более 100 лет. Она могла сплотить своих членов партии и большую часть электората в таких случаях, когда удавалось сделать в некоторой степени удобопонятной стратегически-тактическую цель

определенных «неизбежных» маневров, например, в 1966 –1969 годах при образовании первой Большой коалиции в Федеративной Республике. Эти годы были даже временем прорыва, начавшейся экспансии и в сопоставлении с началом 1960-х годов снова более отчетливыми вехами специфически социал-демократической политики реформ.

Указанная выше, но еще не определенная ориентация на трансценденцию капитализма, в любом случае реально существующего, была и есть до сих пор первым отличительным признаком СДПГ среди признанных старых партий, а вторым – специфичная в определенной мере органическая связь с профсоюзами и долгое время также с широкими слоями наемных работников. Близость к профсоюзам существенно ослабла не позднее, чем со времени провозглашения «Повестки дня – 2010», но все еще сильна и неординарна, особенно на уровне высшего руководства. Даже если трудно поддается обозначению та точка, в которой СДПГ прекратила бы быть Социал-демократической партией в традиционном значении слова, нельзя исключать такое окончательное преобразование. Вероятно, это может также произойти вследствие длительной «усушки и усадки» так, что остаток больше не будет в состоянии действовать как самостоятельный фактор, а дефицит влияния, например, также для профсоюзов перестанет быть интересным. Во всяком случае необходимо предостеречь от той иллюзии, что «Зеленые» или Левая партия унаследуют потенциал в большом объеме.

При таком положении вещей сложно найти выход для СДПГ, тем более что анонсированное «обновление», как видно, выливается главным образом в «более модерновый» имидж, усиленную цифровую репрезентацию и дискуссию. Если учесть менее мрачные, но в смысле дальних целей точно также неправильно выстроенные стратегические опции обеих других относительно левых партий, тогда по привлекательности выигрывает несколько месяцев дискутируемая мысль левого консолидирующего движения. Речь идет о том, чтобы активизировать и мобилизовать существующие формации, которые сами по себе не находят или больше не найдут путь к народным массам. То, что также и в большинстве развитых стран Запада имеется немалый потенциал для нового подхода, в частности, среди молодых людей, показали – при всех общеизвестных особенностях – кампании Джереми Корбина и Берни Сандерса с соответствующим содержанием, успех которых или относительный успех которых ошеломил СМИ. В частности, Сандерсу удалось установить контакт со значительным сегментом недовольных избирателей, который ни в коем случае не захотел

избрать тесно связанную с финансовой индустрией и выступающую как воплощение вашингтонского истеблишмента Хиллари Клинтон.

Предлагаемое консолидирующее движение не является никакой новой партией и не имеет также целью таковой стать. Оно представляет собой объединение индивидуумов, которое не только не должно препятствовать, но даже обязано содействовать членству и сотрудничеству в партиях и других объединениях. В СДПГ есть, например, большое число членов партии, много лет в ней состоящих и связанных с ее традициями, которые никогда из нее не выйдут, но уже давно больше не состоят в партячейках или не представлены в ней иным образом. Пересмешники говорят о недовольных социал-демократах как большинстве рабочего класса в СДПГ. Более того, речь идет о том, чтобы привлечь беспартийных – советы предприятий и советы персонала, низовых профсоюзных функционеров, социально критически настроенных христиан обеих конфессий, активистов экологических движений, критиков глобализации, пацифистов – и таких, которые до сих пор еще даже нигде не участвовали. Идее консолидирующего движения противопоставляются доводы о том, что импульс для него должен идти снизу. Но если признаки не обманывают, многие люди ждут сигнала тех, кто имеет больший шанс высказываться публично.

Существует потребность в оппозиции – не только на парламентском поле. Только представив ясные альтернативы, партии могут соответствовать задаче основного закона, а именно «соучаствовать в образовании мнения и воли народа». Для этого им нужны импульсы извне, а не из их внутренних структур. Далее: задачей парламента не является простое отображение мнения избирателей в их количественном распределении. Если же разногласие будет таким большим, как это случилось в Федеративной Республике в прошлом легислатурном периоде – как по вопросам о войне в Афганистане, об отношении к России и о кризисе ЕС – тогда это состояние похищает у демократии часть ее легитимности. В этих и других вопросах Большая коалиция мейнстрима давно выходит далеко за пределы компетенции правительственных партий, когда, например, правая оппозиция с АдГ заседает в бундестаге и использует его трибуну, чтобы выставлять себя представителем «настоящего» народа против элит, оторванных от реальности.

Консолидирующее движение должно быть связано с изменением – в немецкой традиции особенно антагонистичного – характера взаимоотношений различных партий, фракций и духовных течений: не стирая расхождений, но на открытое, толерантное и дружеское по форме общение. Такой новый стиль, избавившийся от

дискредитации и неуступчивости, был бы особенно востребован на тех уровнях восприятия и в тех политических сферах, где существуют полярные точки зрения, например, на личную безопасность в быту и на борьбу как с крупной (также экономической), так и мелкой преступностью, на обращение с проблемами бегства и миграции, а также на потребность большей части населения в региональной натурализации и национальном самоутверждении, а также (что не идентично) на будущую роль национального государства, с одной стороны, и ЕС и ООН – с другой.

В резком контрасте с тенденцией результатов выборов некоторые опросы мнений показывают, что базовая точка зрения совокупного населения на «твердые» темы политики существенно сместилась влево от неолиберальных элит – в течение прошедших полутора десятилетий она даже укрепилась. Поэтому нам требуется альтернативный политический проект, который должен был бы прежде всего запланировать возврат к внешней политике разрядки, прекращение экспорта оружия в напряженные районы, солидарную поддержку бедных стран, а также демократизацию и изменение курса Европейского союза, обновленное социальное государство с целью обеспечения нормального стандарта жизни в старости и при безработице, а также хорошего ухода и медицинского обслуживания, новое регулирование рынка жилья с целью гарантирования доступной для всех арендной платы, укрепление справедливости налогообложения при упрощении его системы и разгрузка малых и средних доходов, перерегулирование экономики – особенно финансового сектора – в комбинации с инновационной экологической программой перестройки, усиление внутреннего рынка, государственное управление начавшимся процессом дигитализации с целью перераспределения работы, восстановление доведенных до негодности объектов инфраструктуры и снабжения, которые снова принадлежат муниципалитетам, а также щедрое строительство сооружений образования с поощрением всех талантов независимо от социального и этнического происхождения.

Резюмируя сказанное выше: необходимо усиливать коллегиальность и общественную солидарность на качественно более высоком уровне и с их помощью – также и достоинство каждой отдельной личности, а это предполагает широкомасштабную и систематическую политику социального выравнивания.

Петер Брандт

Профессор, д-р Петер Брандт (Peter Brandt) – директор междисциплинарного Института наук европейского конституционного права им. Димитриса Цацоса, до марта 2014 года руководил отделом Современной германской и европейской истории при Хагенском заочном университете. В 1973 году Петер Брандт защитил кандидатскую диссертацию по реконструкции германского рабочего движения 1945–1946 годов при Свободном университете Берлина, а в 1988-м защитил докторскую диссертацию при Техническом университете Берлина. Он автор и издатель многочисленных трудов по современной истории Германии и член правления Фонда им. Фридриха Эберта.